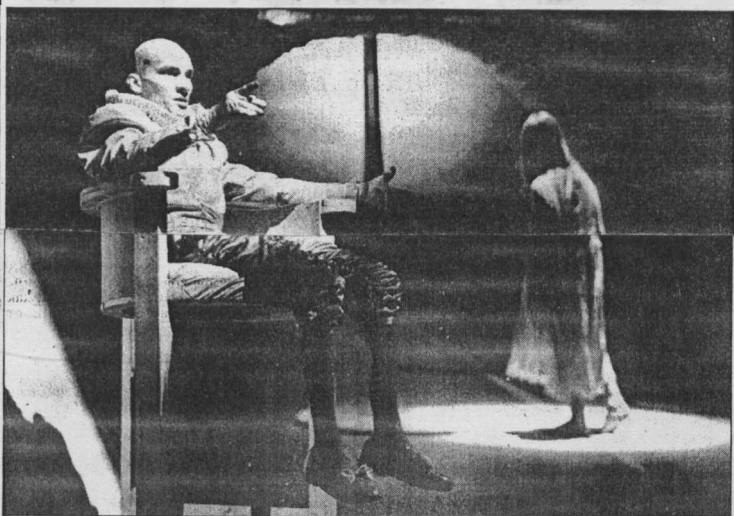

В новой работе Бориса Цейтлина играет Римский Папа

ГУМАНИСТЫ-ЭКСТРЕМИСТЫ

Навуходоносор (Илья Гваркидзе) решает судьбы Вавилона и пытается — Царствия Небесного. Фото Сергея Захарова

Небесная суета. — 2000. — 17 окт. — с. 7

Павел Руднев

СЕГОДНЯ невозможно обойти вниманием тот факт, что театральная жизнь провинции интенсивно набирает обороты. Почти каждый областной город — считающийся *театральным* или нет — пытается обзавестись собственным фестивалем; чиновничьи региональные смотры уходят в прошлое, их вялую инициативу подхватывают сами театры, наиболее «зажиточные» из них, городская администрация же с готовностью идет на такого рода вольности. К таким форумам относится и новый фестиваль в Томске, названный «Новое=старое».

Томскому театру драмы — 150 лет. Полгода назад на пост главного режиссера был приглашен Борис Цейтлин — одно из первых имен в провинциальной театральной режиссуре. Фестиваль открыла первая в Томске премьера Цейтлина «Ангел приходит в Вавилон» по пьесе Фридриха Дюрренматта.

Работа Цейтлина — прежде всего театр для глаз, для которого художник Елена Степанова создает монументальную конструкцию, театральную модель мира. Сцена во всю ее глубину, укороченная и суженная часть партера затянуты с четырех сторон белой холщовой тканью — мы помещены в узкую, длинную трубу, соединяющую Землю и Космос (трубу хочется сравнить с салоном самолета — из дыр-иллюминаторов глядят проекторы, а крыльями служат задрапированные боковые проходы). В самой далекой точке сцены — звездное небо, оттуда в Вавилон придет лучезарный Ангел, дарующий Земле messiю в девичьем обличье — Божье дитя, Курруби (Ольга Герасимова).

Но и не вдаваясь в смысл и даже, возможно, не осознавая умственных глубин постановки, зритель может наслаждаться совершенством формы, наблюдать за тем, как в нетрадиционном пространстве складываются мизансцены, сочетаются цвета, оживают образы, как чередуются и перетекают друг в друга стили. Можно пересчитывать бесконечные примеры влияния мировой живописи на эстетику спектакля. В Вавилоне, городе-призраке, так и должно быть — из истоков Междуречья в том числе

разлились и реки европейской христианской цивилизации. Первые сцены — парад-дефиле человеческих типов (банкиры, торговцы, гетеры) перед Курруби — решены в духе Андрея Бартенева: лысые головы, мех, фальшивые брюлики, серые мертвенные губы, яркая косметика, укрупняющая черты лица, космические костюмы. Второй акт — жестокий суд народа над Курруби — гастрономические этюды Пирсомани, где в окружении просторных столов, винных мехов и усатых мужей с гипертрофированными столовыми приборами оживает народное застолье, «жратва»: беспощадная в желании поскорее поглотить дар небес. В третьем, политическом акте оживают помпезные имперские портреты Веласкеса и черно-красные контрасты испанского барокко и Гойи.

Драма Дюрренматта 1953 года — свидетельство глубокого пессимизма в самосознании постпослевоенной Европы. Нужна ли объединенной теперь Европе свобода, ее породившая? Нужна ли ей высшая справедливость, когда земная справедливость уже установлена? Тема современного российского театра — обретенная свобода и что с ней можно (или могут) сделать.

Выпускник Щепкинского училища, молодой Илья Гваркидзе играет Навуходоносора, царя Вавилона, новым идеалистом во власти, левым радикалом, гуманистом-экстремистом с бритым затылком, мускулистым, поджарым. Он сверг фашиствующего тирана Нимрода и теперь разворачивает страну к формам социальной справедливости. Новый хозяин «ходит в народ» и раздает нищим работу. Главная монархия, которая запросто уничтожала людей, сменилась продвинутым реформаторством, сущность которого — в устранении социальной нестабильности, где непокорных людей стерилизуют уже во имя порядка, ради гуманных целей большинства. Жертвами станут — последний нищий Вавилона Акки (Олег Афанасьев) и Курруби, которые связывает дружба и, возможно, тайная любовь. В словах Навуходоносора «мы будем по-прежнему воспитывать человечество» слышится вызов небесам: обустроившись в мире, создав совершенное государство, человечество отказывается от Царствия Небесного. Небесный Ангел уже не нужен Вавилону.

В спектакле Цейтлина звучит же-

стокая насмешка над свободой — сопротивляясь государственной власти и тем самым оставаясь для Курруби и небес *настоящим человеком, надеждой на спасение*, Акки и в таком положении не способен идти до конца. Перед лицом смерти, перед петлей, в которую палач пытается заташить непокорного нищего, запорошенный и замороженный хлопьями снега, Акки изменяет себе — меняет ролью с палачом, становясь частью государственного механизма.

«А счастье было так возможно...» — тема спектакля, жестокой сказки, не имеющей права на счастливый финал. В первом акте еще кажется, что вот-вот в мир придет гармония. Но, двигаясь к финалу, история прихода messiи растеряет былое очарование — от рук Ангела (Ирина Шишлянникова) Вавилон, не принявший дара небес, должен пасть; он натянет черный траурный занавес на сценическую конструкцию.

(Впечатление от спектакля омрачает лишь одна сцена — монолог Главного богослова Вавилона, убеждающего Курруби подчиниться государственному порядку, озвучивает с видеозаписи... Иоанн Павел II. Борис Цейтлин не боится идти на опасную политическую провокацию. Он разбавляет искусство публицистическим коллажем, раздражая верующих, неверующих же добавляя еще один повод к атеизму. Нельзя не заметить, что здесь была бы проявлена куда большая смелость, если бы вместо Папы Римского в спектакле «сыграл» Алексей II или же Адольф Шаявич.)

В «Ангеле...» заметны едва уловимые моменты (это даже не самоцитаты), которые заставляют вспоминать о знаменитой «Буре» Цейтлина, потрясавшей несколько лет назад Москву, получившей первую российскую «Золотую маску» и ставшей последним спектаклем сгоревшего Казанского ТЮЗа. В «Ангеле...» театральная легенда оживает.

Фестиваль «Новое=старое» завершит 18 октября еще одной премьерой Цейтлина — спектаклем «Дульсинея Тобосская». В нем будет звучать голос драматурга Александра Володина, читающего авторские ремарки, а актеры будут играть с ними, словно строптивые исполнители, не желающие подчиниться воле живого классика.

Томск—Москва